

Заседание третье

Уважаемый президент! Уважаемый председатель! Уважаемые народные депутаты!

Чуть больше года тому назад приступило к работе наше правительство. Мы с самого начала представляли себе, какой огромный груз ответственности ложится на наши плечи. Можно сколько угодно изучать чужой опыт, строить теоретические модели, проводить социологические исследования, изучать "болевые точки" своей экономики, и все равно никто, пока не начнутся реальные преобразования, не скажет, как отреагирует огромная, не знавшая в течение трех поколений рынка страна на принципиально новый механизм социально-экономического регулирования, не произойдет ли сбоев в основных системах жизнеобеспечения, не возникнут ли неконтролируемые социальные конфликты в сверхмилитаризованной, начиненной ядерным оружием стране.

Именно страх перед этой ответственностью сковал энергию последних союзных правительств, послужил основой их бездеятельности и в конце концов привел к краху Союза. Парализующее влияние страха перед этой ответственностью явно сказывалось и на работе первых демократически сформированных органов власти России в течение полутора лет накануне осени 1991 года.

Две разработанные, широко обсужденные и принятые программы углубления экономических реформ. Широкие дискуссии о том, что же лучше проводить сначала: приватизацию, либерализацию, стабилизацию, демонополизацию. Много неплохих рыночных законов, уже надежно заблокировавших возможность управления старыми, традиционными способами. И результат: за полтора года разговоров о рыночных реформах к

1 января 1992 года в России было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых и ресторанов, 36 предприятий службы быта.

Разумеется, именно в этой ситуации, когда все уже устали от бесконечных разговоров о реформах, когда всем было ясно, что старая система не работает и разваливается на глазах, и стала возможна атмосфера пятого Съезда, решение президента взять на себя ответственность за то, чтобы наконец запустить практически процесс реформ, предоставление ему дополнительных полномочий.

Придя к рычагам управления в этой ситуации, мы, разумеется, не могли позволить себе и дальше заниматься приятными дискуссиями о том, в какой же последовательности осуществлять преобразования. Тем более что, как специалист, могу вас заверить: теоретически выверенного ответа на вопрос, что надо делать раньше, чтобы обеспечить успех реформ, не существует.

В основу своей работы мы положили простой принцип: если старая система управления все равно не работает, в каждый данный момент надо пытаться делать все для того, чтобы запустить рыночный механизм. Исходя из этого, мы и работали на протяжении последнего года. И сейчас можно подвести некоторые первые итоги, проанализировать, что получилось, что не получилось, посмотреть и оценить собственные ошибки, постараться извлечь из них уроки.

Первое и главное, что все-таки удалось сделать, – сдвинуть реформы с мертвой точки, запустить рыночный механизм. Да, он работает еще предельно несовершенно. Да, наш рынок далек от рынка совершенной конкуренции. Без всякого сомнения, он еще обременен рецидивами традиционной административно-командной системы. И вместе с тем, чем дальше, тем более очевидно, что производство начинает реагировать на изменяющийся спрос, что директора начинают в первую очередь заботиться о проблемах сбыта, что деньги выходят на первый план, происходит обратная монетаризация экономики, что при всем несовершенстве нашего

потребительского рынка заботы людей о приобретении продуктов в огромных, многочасовых очередях отходят на второй план по сравнению с другими, более серьезными проблемами, которых у них остается достаточно много и которые стали результатом несовершенной, слабой рыночной экономики.

Нашей важнейшей задачей было, запустив этот рыночный механизм, не допустить сбоев в основных принципиальных системах жизнеобеспечения.

Вы помните тональность дискуссий осенью прошлого года и здесь, и в прессе, в нашей и в зарубежной. Ведь обсуждался вопрос не о том, насколько сократится в 1992 году производство танков, минеральных удобрений или даже хлопчатобумажных тканей. Речь шла об угрозе массового голода, холода, паралича транспортных систем, развала государства и общества.

Ничего этого не случилось. Угроза голода и холода не стоит. Мы прошли этот тяжелейший период адаптации к реформам без крупных социальных катаклизмов. При всех разговорах о массовом недовольстве реформами нам удалось сохранить социальную стабильность в стране.

Парадоксально, но факт: за десять месяцев тяжелейших реформ число потерь времени от забастовок в промышленности сократилось в 6 раз по сравнению с 1991 годом. Все труднее вывести людей на митинги, демонстрации протеста. Если в апреле состоялось 152 забастовки со 154 тысячами участников, то в октябре – лишь 4 с 3 тысячами участников. При всей огромной тяжести преобразований, при всей трудности того пути, который приходится пройти, российский народ оказывается намного умнее и прозорливее, чем о нем думают не слишком уважающие его политики. Он точно понимает необходимость преобразований и готов трудиться, готов работать, а не раскачивать лодку нашего собственного благополучия, наших собственных перспектив.

Важнейшей нашей задачей было обеспечить реальный старт приватизации, перейти от слов к делу. Не всего удалось добиться. Мы немного отстаем от выполнения заданий по программе приватизации на 1992

год, видимо, по объему она не будет выполнена. По тому, как идет дело, ясно, что к концу 1992 года будет приватизировано около 40 тысяч предприятий, то есть мы делаем еще медленные, слабые, но уже реальные шаги к формированию многосекторной экономики.

Важнейшей проблемой, определяющей то, насколько нам удастся пройти этот тяжелейший год без серьезных, катастрофических катаклизмов, была проблема валюты и взаимодействия с международным финансовым сообществом. Мы вынуждены были начать реформы с нулевыми валютными резервами, с абсолютно неуправляемым союзным долгом, с обязательствами выплатить в 1992 году около 20 миллиардов долларов задолженностей, на обслуживание которых не было денег, с острой потребностью в важнейших ресурсах, поступающих по импорту, в том числе в связи с тяжелым урожаем 1991 года.

На основе сложных переговоров с международным финансовым сообществом нам удалось добиться реальной фактической отсрочки выплаты задолженностей и вместо 20 миллиардов выплатить примерно полтора миллиарда долгов, не остановив вместе с тем ни импорт, ни поток новых кредитов. За год мы получили возможность привлечь примерно 14 миллиардов долларов кредитов в виде двусторонних кредитов и кредитов международных финансовых организаций, на этой основе, особенно весной прошлого года, профинансировать критический импорт, в первую очередь импорт зерна, а также импорт медикаментов, ряда важнейших комплектующих изделий. Если бы этой возможности не было, нужно вам сказать честно: угроза голода весной 1992 года была бы абсолютно реальной, а падение поголовья крупного рогатого скота сейчас составляло бы не 3 процента, а, как минимум, 40 процентов.

Что в первую очередь не получилось, по нашему мнению?

Наибольшие неудачи постигли нас в области финансовой стабилизации и в области политики укрепления рубля. Мы надеялись, что меры жесткой финансовой и денежной политики позволят из месяца в месяц снижать темпы

инфляции, повысить реальный курс рубля по отношению к доллару, зафиксировать его на реалистичном уровне и перейти к конвертируемости рубля по фиксированному курсу.

В течение первых месяцев казалось, что мы близки к достижению этой цели: темпы увеличения денежной массы росли медленно, бюджет был практически сбалансированным, темпы инфляции от месяца к месяцу снижались, курс рубля к доллару рос. К сожалению, с июня произошло существенное ослабление и кредитно-денежной, и финансовой политики, резко пошла вверх темпы роста денежной массы. За четыре месяца она увеличилась почти в 2,5 раза. Естественно, это немедленно сказалось на курсе доллара к рублю, сломало тенденцию к его снижению, а с характерным двухмесячным лагом привело и к перелому динамики цен, резкому всплеску их роста, начиная со второй половины августа. Здесь, без всякого сомнения, нас постигла тяжелая неудача, опасная и для сегодняшней ситуации, и для перспектив реформы.

Какие наиболее очевидные, наиболее существенные просчеты, по нашему мнению, были в работе правительства?

Во-первых, это, конечно, медленная работа по регулированию кризиса неплатежей. Все мы прекрасно знали, что кризис неплатежей неизбежен на этапе запуска рыночного механизма. Он происходил повсеместно, и известны даже пределы, которых достигает объем неплатежей в процентах к валовому национальному продукту. Примерно на 20 процентов годовых мы и вышли к июню. Мы недоучли темпы нарастания кризиса. Стандартные проблемы, связанные с медленной адаптацией государственных предприятий к новым условиям, оказались дополнены и резко усилены произошедшим существенным замедлением расчетов в народном хозяйстве, увеличением сроков прохождения документов в связи с реорганизацией системы расчетов. В результате нарастание кризиса приобрело лавинообразный, неуправляемый характер, вышло далеко за рамки возможностей микроэкономической адаптации предприятий. Мы не разглядели этот кризис и темпы его

нарастания. Пришлось идти на предельно опасные, болезненные, проинфляционные решения, для того чтобы разрешить платежный кризис.

Второе. Тяжелейшим испытанием стал кризис наличности, особенно в мае-июне 1992 года. Конечно, здесь можно пытаться перекладывать ответственность друг на друга, говорить о том, что это сфера компетенции банка, что Верховный Совет не принял вовремя решений, можно поднять стенограммы... И все равно ответственность за все лежит на правительстве. Значит, мы не были достаточно убедительны, значит, не сумели поставить вопрос достаточно остро, вовремя подключить к решению этой проблемы президента. В результате в мае-июне ситуация стала очень тяжелой. На мой взгляд, мы в этот момент находились на грани социальной катастрофы.

Правительство, без всякого сомнения, просчиталось в оценке роли и масштабов сезонных факторов в российской экономике, не разработало вовремя адекватных механизмов рыночного управления сезонностью, таких, как фьючер- и форвард-контракты, система страхования, проценты и так далее.

В результате, когда сезонные проблемы, усугубленные обесцениванием средств агропромышленного комплекса, резко обострились, пришлось перейти на быстрое увеличение объема кредитования сельского хозяйства, широкомасштабную выдачу льготных кредитов, что также существенно дестабилизировало ситуацию в народном хозяйстве.

Наконец, определенные просчеты были допущены в сфере внешнеэкономического регулирования. Здесь мы долго не могли отработать действенные механизмы компенсации валюты производителям, слишком часто меняли механизм регулирования, создали для экспортеров и импортеров обстановку неопределенности, слишком далеко пошли по пути расширения прав экспортеров в области сырьевых стратегических товаров и вместе с тем не сформировали с самого начала систему государственной поддержки экспорта продукции высокой степени обработки.

Как выглядит ситуация сегодня? Она действительно очень и очень тяжелая, я бы сказал – критическая. Реальная тяжесть настолько серьезна, что мне трудно понять, зачем помощникам глубокоуважаемого председателя для ее демонстрации пришлось прибегать к цифрам, которые не совсем точно соответствуют действительности. Скажем, посмотрев в статистический сборник, который, я надеюсь, вам роздан, нетрудно убедиться, что спад жилищного строительства за десять месяцев составляет не две трети, а 27 процентов. Нетрудно заметить, что капитальные вложения в народное хозяйство составили не 170 миллиардов, а триллион пятьсот. Нетрудно убедиться, что на народное образование выделен не 21 миллиард, а 600, и правительство предполагает не уменьшить эту цифру на 20, а увеличить на 56. И так далее. Я не буду множить список подобного рода недоразумений.

Если необходимо продемонстрировать реальную тяжесть сегодняшнего экономического положения, то это можно сделать вполне реальными, соответствующими действительности цифрами. И здесь, пожалуй, самое серьезное – это действительно предельно высокие, очень опасные темпы инфляции. К октябрю в результате ослабления кредитно-денежной политики мы вышли на уровень инфляции, соответствующий 25 процентам в месяц. Это уже предельно близко к 50 процентам – технической границе гиперинфляции, когда начинается резкое ускорение обращения денег, нерегулируемое бегство от них, общее разрушение денежного обращения с фатальными последствиями для целостности экономики и целостности государства. Именно поэтому задачи последовательной антиинфляционной политики по-прежнему остаются важнейшими в деятельности любого ответственного правительства.

Можно, разумеется, приводить и другие пугающие цифры. Можно приводить и цифры, свидетельствующие о начавшихся слабых, но позитивных сдвигах, обратить внимание на то, что с августа кризис приобретает все более структурный характер, посмотреть, как на протяжении трех месяцев устойчиво идут вверх темпы производства ряда важнейших

товаров народного потребления. По предварительным данным ноября, которые были получены буквально вчера, по отношению к августу, скажем, производство видеомagneтофонов выросло в 2,1 раза, телевизоров – на 35 процентов, посуды – в 3 раза, стиральных машин – на 28 процентов, магнетофонов – на 50 процентов и так далее.

Однако, в общем, дело ведь не в том, чтобы пугать себя страшными цифрами катастрофы или утешать наметившимися слабыми, но позитивными сдвигами. Гораздо важнее ответить на вопрос о том, что же нам делать для того, чтобы стабилизировать ситуацию, взять ее под контроль, для того, чтобы заложить основы оздоровления экономики.

Во вчерашнем выступлении Руслан Имранович Хасбулатов сформулировал свой диагноз тех альтернатив, которые стоят сегодня перед Россией, того экономико-политического выбора, который предстоит сделать. Суть его такова. Есть две модели: монетаристская американская модель и социально ориентированная европейская (скандинавская). Надо выбрать, в каком обществе мы хотим жить (в скандинавском или американском), и, исходя из этого, строить экономическую политику в России в ближайшее время.

При всем желании мне пока очень трудно соотнести эту альтернативу с теми тяжелыми практическими проблемами, которые каждый день приходится решать российской экономике. Мы даже не будем здесь вступать в споры о том, насколько адекватна реальности эта теоретическая дихотомия.

Вспомним о том, что, скажем, германское социально ориентированное хозяйство куда ближе в своей денежной политике к традициям монетаризма, чем американская денежная политика. Или о том, что доля государства в валовом национальном продукте в Японии ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. Дело в конце концов не в этом. Мы просто еще не дошли до того этапа, когда эта альтернатива станет реальной и определяющей.

Конечно, если мы будем очень хорошо и очень успешно работать, сумеем сформировать многосекторную экономику, приватизировать хотя бы

50 процентов отечественной экономики, покончить с всевластием чиновничества, всерьез открыть широкую дорогу предпринимательству, интеграции нашей страны в мировой рынок, то через три-пять лет, может быть, нам действительно придется обсуждать, какой же мы хотим иметь тип общества – американский или скандинавский. Пока, к сожалению, я не могу столь высоко оценить результаты нашей работы. Попробуем наложить эту дихотомию на те практические вопросы, по которым у нас возникают разногласия с Верховным Советом.

Естественно, что, во-первых, они возникают в связи с утверждением бюджета на 1992 год. Верховный Совет принимает и записывает в бюджет дополнительные расходы на 1300 миллиардов рублей. Что это – социально ориентированная политика и рыночная экономика? Результатом является резкое обострение бюджетных проблем практически во всех регионах, кризис региональных бюджетов, резкое увеличение расходов федерального бюджета и его обязательств, резкое увеличение денежной массы с июля-августа и ускорение инфляции, начиная со второй половины августа. Если это – социально ориентированная рыночная экономика, прошу прощения, Людвиг Эрхард перевернулся бы в гробу. (Оживление в зале.)

Подобного рода решения, к сожалению, изучают совсем в другом разделе экономической теории, там, где речь идет об экономике популизма, там, где речь идет о проблемах хронической бедности и застойной слаборазвитости.

Другая практическая и очень острая проблема, по которой нам пока не удастся окончательно добиться единства мнений с Верховным Советом. Мы с огромным трудом в очень небогатом бюджете мобилизуем ресурсы, для того чтобы как-то удовлетворить самые первоочередные социально-культурные потребности, не дать погибнуть культуре, поддержать работы по охране важнейших памятников, немного выправить положение с зарплатой в здравоохранении и образовании. Тем временем в Пенсионном фонде имеется больше 200 миллиардов рублей свободных остатков, вложенных в

коммерческие структуры. Наши попытки мобилизовать эти средства для решения острейших социальных проблем пока не увенчались успехом. Что это, тоже проявление социально ориентированной рыночной экономики?

Реальная дилемма, которая стоит сегодня перед нашим обществом, к сожалению, гораздо более тяжела и драматична, чем выбор между американской и скандинавской моделями. Преступное промедление с давно назревшей структурной перестройкой экономики, с проведением назревших экономических реформ тянет, тащит нашу экономику вниз, в пучину слаборазвитости. Мощная, но страшно милитаризованная, обремененная архаичной структурой экономика пытается выбраться из этого кризиса. Куда мы пойдём? Сумеет ли вытащить нашу страну из слаборазвитости, сумеем ли взять твердый курс на присоединение к сообществу цивилизованных рыночных государств, а потом уже будем выбирать, хотим мы иметь высокие налоги и обильные социальные программы или низкие налоги и "дешевое" государство? Или все-таки инерция спада, инерция развала потащит нас дальше вниз, к хронически нестабильной финансовой системе, а из-за этого к предельно низким сбережениям и низким инвестициям, к хиреющему за протекционистским барьером собственному промышленному комплексу, к хронической бедности и поэтому политической нестабильности, к чередующейся, столь привычной для "третьего мира" плеяде популистских политиков и авторитарных диктаторов? В этом состоит, по моему глубокому убеждению, реальная, гораздо более суровая альтернатива сегодняшней социально-экономической политике в России. (Аплодисменты.)

Конечно, очень легко скатиться на первый путь, на путь слаборазвитости. Для этого многого не надо, для этого даже не надо объявлять себя противником реформ. Для этого надо лишь постараться замедлить преобразования, которые, только будучи осуществленными предельно концентрированно и решительно, могут помочь нам сформировать нормальную рыночную структуру. Для этого не надо регулярно принимать безответственные, но безумно расточительные решения, не подкрепленные

финансовой базой, не надо дестабилизировать собственные финансы. Для этого надо лишь втянуться в опасную конфронтацию между различными ветвями власти, и тогда развитие в направлении не к Швеции и Соединенным Штатам Америки, а к Африке и Латинской Америке будет нам гарантировано.

Для того чтобы уйти с этого пути, к сожалению, требуется гораздо больше. Для этого требуются точные и четкие ответы на самые острые вопросы, которые стоят сегодня перед нашей экономикой, последовательность, координация действий всех ветвей власти.

Коротко остановлюсь на тех важнейших проблемах, которые мы решаем в этой связи сегодня, и на тех направлениях, по которым считаем необходимым решать их дальше.

Первое. Еще раз подчеркну: важнейшая задача сегодня – это остановить инфляцию. Иногда складывается странное впечатление, что остановка инфляции нужна одному правительству или, может быть, международным финансовым организациям, а все остальные заинтересованы в нерегулируемом, неконтролируемом быстром росте цен. Напомню, кто в первую очередь и всегда, в любом обществе, страдает от инфляции. Во-первых, это сезонные отрасли, в первую очередь сельское хозяйство; по нему инфляция всегда бьет сильнее всего, потому что оно один раз в год продает результаты урожая, а потом в течение всего года рассчитывается за потребляемые ресурсы по постоянно повышающимся ценам. И никаких способов защитить сельское хозяйство от последствий инфляции, кроме как остановить ее, к сожалению, не существует. Во-вторых, это вся бюджетная сфера. При любых системах индексации и компенсации она всегда отстает от реального роста цен, потому что индексация, компенсация – всегда разовый процесс, а инфляция продолжается непрерывно, каждый день, каждую неделю. И наконец, это все отрасли, работающие на инвестиционный спрос. Потому что всегда инвестиционный спрос в первую очередь сжимается в условиях инфляции.

Инфляцию можно затормозить. Мы предпринимаем то, что можем, для этого. С сентября существенно ужесточили бюджетную политику. С временным лагом это уже сказалось на некотором замедлении темпов падения курса рубля по отношению к доллару. Если политика не сломается, это скажется и в переломе тенденции в динамике цен. Здесь очень важно не отступить от этого курса, не дать себя еще раз обмануть легендой о том, что безответственная финансовая политика безвредна и безопасна.

Второе. В этой связи возможно и вместе с тем необходимо добиваться оживления инвестиционной активности, начинать процесс поддерживаемой структурной перестройки народного хозяйства.

Мы совершенно сознательно пошли на резкое ограничение инвестиционной активности в 1992 году. Дело в том, что огромная часть начатых инвестиционных проектов просто никак не соотносилась с реальностями новой рыночной экономики, новыми пропорциями цен, новым валютным курсом, новыми условиями спроса, новыми условиями снабжения. Очевидно, что большая часть из них не будет никогда завершена в том виде, в котором они начинались, и завершать их не нужно. Возможность ограничения инвестиционного спроса была для нас важнейшим стабилизирующим фактором для того, чтобы не допустить развала важнейших жизнеобеспечивающих отраслей.

Вместе с тем сегодня новые ценовые пропорции уже начали складываться, новые рыночные реальности работают, пошли новые импульсы, импульсы к структурной перестройке. И дальше важно подкрепить их соответствующими инвестиционными ресурсами, для того чтобы приспособление к рынку было не пассивным, а активным, не столько за счет сокращения, сколько за счет наращивания выпуска пользующейся спросом продукции.

Что здесь необходимо делать и что намечается?

Во-первых, это и резкое увеличение объема амортизации в связи с переоценкой фондов, и введение механизма регулярной индексации фондов,

с тем чтобы не допустить дальнейшего обесценения амортизации. Уже это само по себе позволит более чем в 10 раз увеличить объем средств, которыми будет располагать предприятие на инвестиции.

Во-вторых, это освобождение от налогов с 1 января 1993 года капитальных вложений, направляемых на расширение производства и реконструкцию, техническое перевооружение. При этом важно добиться того, чтобы это освобождение не было использовано просто как налоговая лазейка для уклонения от уплаты налогов, чтобы эти льготы мы предоставляли только тем предприятиям, которые действительно осуществляют интенсивную инвестиционную деятельность, в полной мере используют ресурсы фондов амортизационных отчислений по целевому назначению и плюс к этому привлекают дополнительные средства из прибыли.

В-третьих, это формирование механизма бюджетного, ссудного, долгосрочного кредитования. К сожалению, в условиях высокой инфляции коммерческие банки, коммерческая система никогда не предоставляют в достаточных для структурной перестройки экономики масштабах ресурсы на долгосрочные капитальные вложения.

Именно поэтому государству придется в 1993 году в значительной степени взять этот груз на себя, предусмотреть предоставление крупных, пятисотмиллиардных долгосрочных кредитов на конверсионные программы и другие эффективные, высокоокупаемые программы структурной перестройки промышленности.

Кроме этого, мы вместе с Центральным банком работаем над системой стимулирования коммерческих банков, заставляющей их вкладывать деньги в долгосрочные проекты. Для этого предполагаем использовать начиная с 1 января дифференциацию норм резервных требований коммерческих банков, предоставляя им возможность направлять часть средств не в резервы Центрального банка, а целевым порядком на долгосрочные инвестиционные проекты.

Все это, вместе взятое, одновременно с точным выбором приоритетов (а это в первую очередь приоритеты, позволяющие задействовать мощнейший военно-промышленный комплекс на решение болезненных структурных проблем, обеспечение потребностей переработки сельхозпродукции, производства высококачественных продуктов и товаров народного потребления, транспорта, связи, топливно-энергетического комплекса) может послужить основой той селективной политики, которая обеспечит уже в 1993 году ярко выраженный структурный поворот народного хозяйства к нуждам людей, к реальным нуждам российской экономики.

Агропромышленный комплекс. Здесь важнее всего обеспечить уже в 1993 году нормальную систему закупки урожая, зимой-весной, с тем чтобы прокредитовать сельскохозяйственные работы 1993 года. От системы безвозвратного, распределяемого произвольно льготного кредитования мы должны перейти к формированию системы нормальных форвардных и фьючерских закупок урожая. Именно на эти цели мы предполагаем использовать те средства, которые выделялись и были закреплены за Росхлебопродуктом для закупок урожая, превратив их в оборотные средства этой системы.

Важнейшая задача здесь – это, конечно, сохранение животноводства, стабилизация положения в сельском хозяйстве. Вчера здесь говорилось, что каждый пастух уже знает, что 32 процента бюджета Европейского сообщества направляются на поддержку сельского хозяйства. Я согласен, действительно, это знает каждый пастух, но, по-моему, даже не все профессора знают, что в этом тоненьком, маленьком бюджете Европейского сообщества эти 32 процента составляют лишь один процент валового национального продукта входящих в него государств, или значительно меньше, чем в России в 1992 году.

Так вот, мы, видимо, вынуждены будем сохранить в 1993 году систему дотаций на продукцию животноводства, с тем чтобы защитить эту отрасль от

острых диспропорций в ценах, в первую очередь связанных с ростом цен на зерно и корма, но важнейшая задача – повысить эффективность использования средств. Пока, к сожалению, получается так, что мы в значительной степени, направляя огромные средства на поддержку животноводства, обращаем их на субсидирование предельно высокой заработной платы и рентабельности на предприятиях переработки сельскохозяйственной продукции. Деньги, которые мы направляем, реально не способствуют стабилизации положения в животноводстве, не доходят до хозяйств. Здесь, видимо, необходимо будет существенно усовершенствовать с 1 января механизм использования этих средств, ввести специальный механизм регулирования режима работы отраслей, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства, учитывающий монопольное положение, способный предотвратить злоупотребления этим положением в ущерб сельскохозяйственному производству.

Мы с самого начала не предполагали и не предполагаем резко форсировать процесс развития фермерского сектора в сельском хозяйстве, для этого у нас нет ни кредитных, ни материальных ресурсов. Необходимо очень осторожно, последовательно наращивать долю этого сектора, подкрепляя его необходимой поддержкой, не форсировать, не пытаться сделать его в течение ближайших лет ведущей составной частью нашей экономики. Конечно, тяжелейшую ношу по-прежнему долго еще будут нести крупные хозяйства, и главное, что пошел процесс их преобразования. Уже 42 процента из них прошли перерегистрацию, большая часть трансформирована в акционерные общества, товарищества, реально меняется заинтересованность, реально меняются ориентиры. В конце концов все мы помним, как на протяжении десятилетий мы боролись за сокращение на полпроцента, на один процент в год себестоимости продукции сельского хозяйства. В этом году реально на 35 процентов сократилось потребление ресурсов в растениеводстве при существенном росте совокупных результатов.

В области приватизации. Здесь важнейшая задача – не потерять темпа, не сломаться в пути, не начать суетиться. Сегодня реальность в том, что государственная собственность в рамках системы правового регулирования, которая уже создана, в значительной степени неуправляема. Нам придется это поправлять вместе, меняя законы, включая закон о предприятиях и предпринимательской деятельности. Нам придется реально ограничивать права и директоров, и коллективов тех государственных предприятий, которые остаются в государственной собственности. Но сейчас попытка остановить упорядоченную приватизацию – значит дать дорогу для расхищения государственной собственности, дать дорогу тому, что называют "прихватизацией".

В этой области мы не предполагаем крупных новаций в политике 1993 года, считаем, что надо в первую очередь завершить тот процесс, который начали в 1992 году, обеспечить начало работы новых акционерных обществ, реализацию акций на инвестиционных конкурсах и аукционах, добиться, чтобы новый механизм контроля заработал. Важнейшей предпосылкой для решения этих задач является, на наш взгляд, быстрее принятие Верховным Советом внесенного законопроекта о трастовом управлении, потому что именно он позволит обеспечить возможность эффективной работы директоров приватизированных предприятий, именно он предоставит широкие возможности для формирования с ними долгосрочных надежных правовых договорных отношений, опирающихся на доверительную собственность.

Важнейшая проблема, связанная с приватизацией, которая сегодня, пожалуй, заботит всех, – это судьба социальной сферы приватизируемых предприятий. Естественно, многие предприятия стремятся как можно быстрее от нее избавиться. Местные бюджеты не имеют возможности сразу взять на себя груз ответственности за эту приватизируемую инфраструктуру. В проекте программы приватизации на 1993 год, который был обсужден правительством и будет вскоре представлен Верховному Совету,

предполагается направить в социальную сферу все доходы по дивидендам от имущества, остающегося в федеральной собственности, для того чтобы помочь частично решить эту проблему. Одновременно, по всей видимости, нам придется предложить предоставить право регионам взимать дополнительные муниципальные налоги с тех предприятий, которые наиболее активно сбрасывают социальную сферу.

Важнейшая задача, без которой невозможно продвинуться в осуществлении реформ, – это их регионализация. Действительно, из Москвы можно было запустить этот механизм, использовать инициативу, но управлять всерьез процессом реализации реформ в специфических, предельно уникальных условиях каждого региона из Москвы невозможно, и мы не должны пытаться это делать.

Важнейшее стратегическое направление проведения реформ, не противоречащее политике сохранения единства России, единого экономического пространства, – это последовательное расширение прав и возможностей регионов в управлении собственной экономикой, в реализации реформ на местах.

В бюджетном послании на 1993 год уже представлены предложения правительства, направленные на увеличение, примерно, на триллион доходной и расходной базы, передаваемой бюджетам территорий. Мы считаем, что именно на региональном уровне гораздо проще и эффективнее решать и вопросы поддержки агропромышленного комплекса, и вопросы содержания социальной сферы села, и проблемы определения приоритетных направлений инвестиции в агропромышленный комплекс, и многие другие проблемы.

Одновременно, естественно, мы предполагаем расширять права регионов и во внешнеэкономической деятельности, предоставив им возможность реализации доходов от внешнеэкономической деятельности, включая доходы от экспортной пошлины, позволив вести гибкую политику поддержки и субсидирования импорта.

Социальная сфера – это та область, где мы ни в коем случае не должны поддаваться соблазну безудержной ругани всего того, что оставили нам наши предшественники. При всех неразрешенных проблемах эффективности функционирования этой сферы надо сказать честно, что развитая для страны нашего уровня социальная сфера, доставшаяся нам в наследство, – это действительно важнейшее завоевание социализма. И просто сам Бог велел нам на этапе этих тяжелых реформ сохранить ее основы, не дать ее разрушить.

Конечно, надежды на то, что в условиях тяжелейшего экономического кризиса, падения на 20 процентов валового национального продукта мы сможем разом, с ходу, решить те проблемы в этой сфере, которые десятилетиями не решались, – проблемы расширения материальной базы, массового строительства школ и так далее – ну просто не реальны.

Важнейшая задача, которую мы ставили перед собой и будем ставить дальше, – это ликвидация того тяжелейшего отставания бюджетной сферы, и в первую очередь социальной сферы, по уровню оплаты труда от сферы хозрасчетной, промышленной, которое сложилось в этом году. И здесь главная мера – это переход на единую тарифную систему, исходя из минимума в 1800 рублей с декабря и 2250 рублей в первом квартале следующего года.

Это позволит резко увеличить уровень заработной платы в социальной сфере, позволит снять наиболее острые диспропорции в оплате труда таких категорий работников, как, например, учителя, которые оказались серьезно ущемлены. Одновременно мы должны вести политику селективной поддержки и развития тех важнейших очагов, тех структурообразующих элементов социальной сферы, которые определяют будущее страны.

Президент подписал и представил в Верховный Совет указ о поддержке вузов, в котором за ними закрепляется их имущество, включая землю, на которой они расположены. Это важнейший рыночный шаг, именно на этой основе в условиях кризиса выживали вузы в других странах. Принято

решение об освобождении учреждений Академии наук от имущественного и поземельного налога. В Верховный Совет представлены предложения по существенному увеличению налоговых льгот учреждениям культуры. Президент подписал указ о важнейших культурных памятниках, составляющих основу национального богатства. В настоящее время мы готовим нормативные акты, призванные заложить основу формирования системы федеральных научных центров, составляющих ядро нашего научного потенциала.

В социальной сфере общий принцип, видимо, должен быть такой: не навредить. Осуществляя реформы, постепенно повышать эффективность, но так, чтобы при этом не нарушить реальное функционирование этой сферы. Мы пытались это сделать в 1992 году в пределах крайне ограниченных ресурсов... Исходя из этого, будем вести работу и в 1993 году.

Тем не менее надо сказать честно и самокритично, что в этой области, особенно в области реформ социальной сферы, отнюдь не все у нас получалось. Особенно много у нас претензий к Министерству здравоохранения, которое пока не смогло представить развернутую реалистичную программу реформ в системе здравоохранения и перехода на страховую медицину, определить подходы, концепции и границы развития платного здравоохранения. И здесь дело, видимо, не просто в руководителе министерства, а в необходимости радикального укрепления всего его верхнего эшелона.

Главный приоритет в нашей ближайшей работе и в 1993 году – это, разумеется, внешнеэкономическая сфера. Без "открытия" нашей экономики, без постепенного завоевания ею позиций в мировой экономике для нас нет места в будущем мире.

Товарооборот в этом году продолжал сокращаться. Но в нем наметились определенные позитивные сдвиги в сторону торговли с платежеспособными странами. Еще в прошлом году мы в крупных

масштабах продолжали поставлять товары в те страны, которые никогда с нами не расплатятся и никогда не собирались платить свои долги. В этом году с одновременным резким сокращением поставок в эти страны и торговли с ними резко увеличивается торговля и экспорт в платежеспособные страны, в страны, являющиеся надежными партнерами: в Южную Корею, Китай, Индию, Тайвань, Филиппины, Израиль и многие другие, которые с течением времени должны и могут стать основными потребителями российской продукции.

Конечно, здесь наша важнейшая задача – это формирование системы надежной поддержки российского экспорта продукции высокой степени обработки. Мы должны создать для наших метростроителей, строителей тоннелей, трубопроводов, энергетических систем, гидроэлектростанций те же условия конкуренции с их иностранными партнерами, которые создают другие развитые страны мира, обеспечивая их экспортными кредитами и поддерживая при необходимости (разумеется, там, где речь идет об эффективных проектах).

Другая важнейшая задача – упорядочение нашей внешнеэкономической деятельности в сырьевой области, в области экспорта нефти, минеральных удобрений, леса, то есть всего того, что составляет основу экспортного потенциала. Главное здесь – навести порядок, добиться прекращения самоубийственной демпинговой конкуренции наших отечественных предприятий друг с другом. Именно на это направлено и ужесточение экспортного контроля, и введение регистрации экспорта важнейших стратегических товаров.

Существенной задачей для нас, особенно в условиях масштабной конверсии, является стабилизация объемов экспорта вооружений. Разумеется, мы не собираемся разжигать международные конфликты, поставляя вооружение в районы конфликтов. Вместе с тем нет никаких оснований уходить с этого важнейшего рынка.

Сейчас заключены крупные контракты с Китаем – примерно на миллиард долларов, с Индией – на 650 миллионов долларов, с Ираном – на 600 миллионов долларов, заключены контракты с Сирией и рядом других стран, причем речь уже идет не о поставках в кредит безнадежным должникам, а о поставках либо за конвертируемую валюту, либо за необходимые стране валютные товары. Эту работу, исходя из таких целей, мы будем проводить и дальше.

Мы вошли в 1992 год с чисто формальной, условной государственностью. Реально у нас не было ни границ, ни армии, ни таможи, ни контроля за денежной системой – да, по существу, никаких инструментов и институтов государственности. Мы назывались государством, а реально не были таковым. В течение этого тяжелого года шла работа, направленная на то, чтобы эти институты сформировать. С 1 января мы переходим к нормальной системе таможенного контроля на границе с нашими соседями. Она, разумеется, не исключает возможности подписания договоров о едином таможенном пространстве, не исключает самых свободных, самых либеральных соглашений по свободной торговле с теми, кто этого захочет, но вместе с тем позволит нам регулировать процессы вывоза ресурсов из России, позволит положить конец бесконтрольному и расточительному для страны разбазариванию ресурсов.

С 1 января 1993 года завершается работа по обретению Россией суверенитета в денежной области. Введение котировки рубля России по отношению к рублям на территориях других бывших республик – это нормальная мера, позволяющая сохранить наш суверенитет. Она не исключает возможности самых тесных денежных союзов, платежных союзов, формирование межгосударственных банков, но она, по крайней мере, надежно защитит нас от возможности того, что где-то в другом государстве будут спокойно (и автоматически) печатать российские деньги и выбрасывать их на российский рынок, разрушая его.

С 1993 года система таможенного регулирования и упорядочение отношений в денежной области позволит нам существенно изменить механизм наших торговых отношений с партнерами, перейти от принципа масштабной помощи к принципу взаимной выгоды, обеспечить паритет цен, не вызывая при этом лавинообразного сокращения и разрушения взаимной торговли.

Уважаемые народные депутаты! За столь короткое время я, разумеется, не имею возможности детально остановиться на всех направлениях работы правительства, на всем, что мы считаем необходимым делать для стабилизации российской экономики. Но еще раз подчеркну, что реальная ситуация, реальные возможности маневра в огромной степени предопределены валютным положением страны, отсутствием резервов, предельно опасной инфляционной ситуацией, деформированной структурой экономики, массой факторов, с которыми придется считаться любым органам власти, хотят они того или нет.

Мы не на широкой площади, где можно спокойно обсуждать, каким путем идти в счастливое будущее. Мы на тоненькой, узенькой тропинке. Только четкое продвижение по ней и может вывести нас из тяжелейшего кризиса, поможет войти в содружество цивилизованных народов. Сорваться с этой тропинки очень просто, если не будет конкретной, конструктивной созидательной и ответственной работы всех органов власти России. Из этого мы и считаем необходимым исходить в своей работе. Спасибо.